

Анна склонилась над вышивкой. Вдруг, неловко сделав стежок, уколола пальчик. Поморщилась, поднесла к ротику, слизнула показавшуюся капельку крови. Глаза наполнились слезами. Нет, не от того, что уколола палец! Просто слёзы, прятавшиеся где-то в горле, подступавшие комочком, сейчас вдруг вырвались и потекли ручейками по разгорячённым щекам. Определённо, сегодня день не ладился, с самого утра всё валилось из рук. Впрочем, не только сегодня. Она могла вполне точно сказать, когда всё это началось — ровно неделю назад. Да, именно тогда Сергей вернулся домой под утро, и она уснула в кресле в кабинете мужа, тщетно ожидая его возвращения. Проснулась в кровати — он просто перенёс её, даже не разбудив. Все эти дни она, как обычно, ждала его, услышав звук остановившегося экипажа, выглядывала в окно, бросалась в переднюю на каждый звонок в дверь. И уже перед рассветом, измученная своим ожиданием, не раздеваясь и не ложась в постель, засыпала. Просыпалась утром в кровати, однако опять не видела Сергея — он уже вновь ушёл.

— Ох, барыня, — вздыхала служанка Дарья, полная, грубоватая особа лет тридцати, выполнявшая, кроме работы по дому, ещё и обязанности кухарки, — шли бы вы спать, не маялись. Сергей Владимирович раньше всегда так приходили домой. Это ж пока медовый месяц был, он домой бежал... А теперь, понятное дело, пора бы и поостыть.

— Да, да... ты права, — соглашалась Анна, но тут же добавляла с виноватой улыбкой: — Я не хочу пока спать... посижу ещё немного.

Всякие дурные мысли начинали преследовать Анну. То ей вдруг казалось, что Сергей ранен на дуэли, и она кидалась к окну, боясь увидеть, как его вытаскивают из подъехавшего экипажа. То воображала несчастный случай в полку, с побледневшим личиком стояла перед образами, творя молитвы. Но вчера её сердце кольнуло новое подозрение. «А что если он меня больше не любит?», — мелькнула ядовитая мысль. Анна сразу отбросила её, но малейшего укола было достаточно, чтобы яд проник в её душу и стал растекаться по всему её существу. «Но ведь правда, — рассуждала она, — раньше он не отходил от меня ни на минуту, когда бывал дома... А теперь... я уже забываю его руки!».

Потирая пораненный палец, Анна подошла к большому напольному зеркалу, которое стояло в их спальне. Изучающе беспокойным взглядом окинула своё отражение. «Неужели я подурнела?», — болезненно пронеслось в голове. В зеркале перед ней стояло юное существо, с длинной тяжёлой косой, спускающейся ниже попочки — Сергей любил, когда она делала эту свою причёску, с которой он впервые увидел её в саду. Шелковое кремовое платье, отделанное белым кружевом, с пышными рукавами, доходящими до локтей, как нельзя лучше подчёркивало хрупкую тонкость талии, высокую шею, плавно переходящую в молочную бледность плеч и груди. «Может, что-то не так под платьем?», — мелькает мысль. И вот уже платье сброшено, Анна стоит перед зеркалом в одной полупрозрачной рубашке, опускает бретельки, обнажая грудь. Два упругих холмика, пружиня, ложатся ей в руки. Не сдерживая подступившие слёзы, Анна вспоминает руки мужа. Да, еще несколько дней назад он вот так же любил держать её грудки в своих ладонях. Слегка покачивал их, словно взвешивая, нежно скользил губами от основания к вершинке, щекоча усами, посасывал «орешки» сосочков. Ах, эти его усы! В первую их ночь, вернее, уже наутро, она постеснялась признаться, почему ей так понравились его усы. Да и потом никогда не говорила об этом. Но Сергей сам догадался, и

всегда использовал своё «секретное оружие», порой одними только щекочущими прикосновениями доводя жену до иступления. От этих воспоминаний Анну бросило в жар, всё тело вспыхнуло, она ощутила, как стали влажнеть панталончики. Устыдившись самой себя, она умыла раскрасневшееся лицо, переделалась и, вернувшись в гостиную, опять села за рукоделие.

В передней ударил звонок, и Дарья поспешила открыть двери. Послышался голос Сергея. Первым порывом было броситься к нему, как всегда, прижаться к его груди, потом повиснуть на шее и дать подхватить себя на руки. Но Анна удержалась, осталась сидеть за пальцами. Она решила наказать мужа. В конце концов, если у него дела, он мог предупредить её и не мучить своим невниманием. А если... О, даже страшно подумать, если он разлюбил её, то... всё равно нужно было сказать. Да, узнав это, она умрёт сразу от горя... Но жить в неведении она тоже не желает! Это похоже на медленную пытку.

— Здравствуй, любовь моя, — входя в гостиную, сказал Сергей и, склонившись, чмокнул жену в щёчку.

— Здравствуй... — тихо отвечала Анна и сделала вид, что увлечена работой, принялась разбирать нитки.

— Тебе помочь? — улыбнулся он. — Я могу подержать, чтобы ты смотала клубок.

— Нет, нет... Я сама, — почему-то смутилась она. — Я распорядюсь об ужине, — сказала, стараясь не смотреть ему в глаза, и вышла.

— Хорошо бы, — Сергей плюхнулся в кресло и, вытянув ноги, устало закрыл глаза. Поведение жены показалось ему странным, но он решил подождать, не донимать её вопросами. «Не выбежала ко мне», — немного обиженно подумал он. «Должно быть, дамское что-то, — сразу усмехнулся про себя. — Потом расскажет».

За ужином она молчала, чувствуя, что Сергей поминутно бросает на неё изучающие взгляды. А его начинало беспокоить её загадочное молчание и, особенно, этот ускользающий взгляд. Это был не просто её обычный взор, полный смущения, это был взгляд, каким женщина смотрит, когда пытается что-то скрыть. Но Анна, не умеющая скрывать, явно нервничала, то и дело поправляя локон, выбившийся из косы, один раз даже едва не опрокинула молочник со сливками.

— Аня, что случилось? — наконец, не выдержал Сергей и спросил прямо, глядя ей в лицо.

— Почему ты думаешь, что у меня что-то случилось? — нервно улыбнувшись, Анна попыталась изобразить удивление, но в её голосе слышались фальшивые нотки.

— Любовь моя, — широко улыбнулся Сергей, — в прошлый раз ты нашла Пьетро Аретино. Сейчас, мне кажется, дело гораздо серьёзнее.

— Да, пожалуй, ты прав... — отозвалась она, опуская голову.

Встав из-за стола, Сергей подошёл к ней, склонившись, поднёс к губам её ручку, спросил тихо:

— В чём дело, любовь моя? Почему плакали твои глазки?

— Дело... дело в тебе, Серёжа... — неожиданно призналась Анна и посмотрела на него странно-изучающе, словно хотела прочесть что-то на его лице.

— Во мне?! — удивился он.

Анна кивнула, не в силах произнести хоть слово.

— Неужели я... обидел тебя чем-то? — Сергей опустил перед ней на пол, сел так, чтобы смотреть глаза в глаза.

— Нет... — поспешила сказать она, — но... Мне кажется, ты... — её голос дрогнул, в нём слышались слёзы, — ты меня больше не любишь...

— Маленькая моя глупышка, — он прижал к своим щекам её ладошки, — что ты опять выдумываешь?!

— Я не выдумываю, — прошептала Анна и отвела взор, отняла от него свои руки.

Она не выдерживала пронзительного взгляда его тёмно-синих, глубоких, как омут, глаз. И раньше, когда он смотрел на неё, она чувствовала себя словно раздетой, но теперь его глаза, казалось, проникали в самое сердце и в самые потаённые уголки её существа, перед ним она была, как на ладони. К тому же её охватывало непонятное ощущение тепла, которое будто бы исходило из глаз мужа, оно окутывало её мягкими волнами, хотелось уплыть, отдаться на волю этих волн и не думать ни о чём.

— Почему, ну, почему, ты так решила?! — воскликнул Сергей и, встав, прошёлся по комнате.

— Я не решила, — стараясь говорить твёрдо, отвечала Анна. — Я это чувствую.

— Что? Что ты чувствуешь? — он опять подошёл к ней и посмотрел в лицо.

Анна встала и, отвернувшись, отошла к окну. Она не могла унять, охватившую её дрожь. Сергей терпеливо ждал. Наконец, она тяжело вздохнула и, глядя открыто в его невыносимые глаза, сказала:

— Ты стал холоден... ты... приходишь домой лишь под утро... И... и я совсем тебя не вижу. Уже неделю... Целую неделю, Серёжа! Я сплю без тебя... Твои руки больше не согревают меня, как раньше... — Да, да. И, заметь, ты спишь, где попало, — на лице Сергея расцвела улыбка, — я, вернувшись, обнаруживаю тебя то в гостиной в кресле у окна, то на диване в своём кабинете. Анна не верила своим глазам. Он смеялся! Смеялся над ней, над её чувствами! Она открыто призналась ему в своих подозрениях, а он смеётся! Его забавляют её страдания!

— Да, как вы можете, сударь?! — воскликнула она, не сдерживая слёз. — Вы... проводите ночи напролёт в обществе этих... гадких женщин, а потом... потом ещё смеете издеваться надо мной! Я стала вам не нужна, как надоевшая игрушка! Вы... вы — бесчувственный, бессовестный и... и... — сжимая кулачки, она выпалила эти обвинения и, не окончив фразы, кинулась в спальню.

— Аня, Анечка! — Сергей бросился за женой, но она успела захлопнуть дверь.

Из-за дверей донеслись глухие всхлипывающие звуки. Наклонившись к замочной скважине, он увидел, что Анна, упав на колени перед кроватью и опустив на неё голову, дала волю слезам, её плечики сотрясались от рыданий, длинная коса толстой змеёй свивалась у её колен.

— О, Господи! Какой же я кретин! — пробормотал Сергей и в волнении провёл рукою по лицу, искажённому гримасой отчаяния.

Не медля, легко выбил хлипкий замок, оказался возле жены. Она, вздрогнув, испуганно замерла и подняла на него глаза. О! Сколько всего было в этом удивительном взоре — невыразимая боль, отчаяние и даже страх, но вместе с тем непокорная всеподчиняющая сила исходила из её глаз. Казалось, они кричали: «Ты можешь сломать моё тело, разбить его, как фарфор, но мой дух тебе не подвластен!».

«Она боится меня? Неужели она думает, что я могу ударить её?», — с отчаянием подумал Сергей и проговорил хриплым, срывающимся от волнения голосом:

— Анечка, любовь моя, не бойся меня!

Упал перед ней на колени и привлёк к себе. Она, будто в каком-то оцепенении, безвольно

опустив руки, не сопротивлялась.

— Сердечко моё, — зашептал Сергей, покрывая поцелуями мокрое от слёз личико, — никогда — слышишь? — никогда я не причиню тебе зла! Я скорее умру сам... Даже если я лишусь рассудка, я не сделаю тебе ничего дурного. Ты — моё счастье, моя любовь, моя жизнь... Я никогда не играл с тобой, и ты напрасно воображаешь себе всякий вздор, — он улыбнулся, с нежностью заглянул в чарующие глаза. — Из всех женщин на свете для меня существует только одна — моя жена, ты, моё сокровище!

Его губы коснулись её уст. Он, покачивая жену на руках, окутывал её теплом своих глаз, укрывал негой, льющейся из них. Его руки завораживали её своими прикосновениями, лёгкими, скользящими и одновременно такими сильными, надёжными как колыбель для младенца. Анна вдруг задрожала, ощутив, что тепло его тёмно-синих глаз проникает к ней внутрь, заполняет собой всё её существо, заставляет трепетать от неодолимого желания принять его в себя и раствориться в нём самой. Сергей понял её без слов, он и сам хотел того же — излить на жену свою любовь, наполнить этим чувством каждый уголок любимого тела, впитать в себя его нежность и страсть, насладиться его красотой.

Скинув одежду и раздев жену, он принялся ласкать её, не пропуская ни вершка восхитительной молочной белизны. Тонкая шейка с пульсирующей жилкой и крошечной родинкой, красивые округлые плечики, грудки-яблочки, наливные, упругие, с вмиг затвердевшими сосочками, точёная талия — кажется, сожми посильнее, может переломиться — попочка, волнующе кругленькая, с атласной кожей, при нажатии упругая, точно щёчка младенца, ножки, с тонкими щиколотками и миниатюрными ступнями, достойные кисти мастера. Сергей не пропустил ничего. Его губы скользили по всем этим прелестям, постепенно приближаясь к самому нежному и желанному месту, которое истекало нектаром. (Специально для взглянул на жену.

— Ну... то, что говорила твоя тётя?

Сергей сел, взял жену за руку, и, глядя в глаза, заговорил серьёзно, ему не хотелось мучить её понапрасну:

— Любовь моя, да, это было. Раньше, задолго до встречи с тобой. Ведь я прилично старше тебя. И это ничего не значило для меня, — он улыбнулся, — ты же понимаешь уже, что мужчина иногда... нуждается в таких вещах... А если его сердце свободно, то он в определённые моменты забывает о моральной стороне вопроса... Порой я был противен сам себе... Но то, что я гораздо опытнее тебя, это даже хорошо... Ведь так?

— Да, наверное, — прошептала Анна и опять спросила, читая что-то в его глазах: — Но ты никогда... их не любил?

— Никогда — никого, — кивнул Сергей. — Когда я увидел тебя, я стал всецело твоим. Даже до нашего венчания... Вернувшись в столицу после отпуска в деревне, я постоянно думал о тебе, твой образ стоял передо мной и днём, и ночью. А потом, когда ты стала моей, я просто дышу тобой... только тобой.

Он говорил тихо, но страсть сквозила в его тоне, в его взгляде, устремлённом на жену, он сжимал её пальчики и беспрестанно подносил их к губам.

— Но, в таком случае, — Анна хитро прищурилась, взяв в ротик пальчик, — где ты был все эти ночи?

Лицо Сергея вдруг стало очень серьёзным. Нахмутив брови и словно что-то решая про себя, он начал осторожно, боясь испугать жену:

— Аня, ты должна знать одну вещь... крайне важную для меня, — он опять помолчал, будто подыскивая нужные слова, потом уже уверенно продолжил: — Теперь я состою в одном прекрасном и очень нужном деле.

Анна вздрогнула, испуганно посмотрела ему в лицо, в её огромных глазах метнулся тревожный блеск.

— С тобой может что-то случиться? — прошептала она.

— Нет, нет, вовсе нет, — поспешил успокоить он. — Речь о другом... Я... один из тех, кто хочет изменить Россию к лучшему... — он замолчал, не докончив, понял, что то, о чём он хотел рассказать Анне, было сказано как-то не так, неправильно, но как нужно было сказать — этого он не знал.

— Ты пугаешь меня, Серёжа, — тихо сказала Анна.

— Не нужно ничего бояться, — улыбнулся он. — В конце концов, я — военный, и определённая опасность всегда рядом... — принялся убеждать её Сергей и вновь понял, что говорит что-то не то. После паузы поспешил заключить: — Одним словом, я просто был у друзей... Мы спорили, обсуждали кое-что... Ты не должна ни в чём сомневаться, не должна верить никаким слухам...

— Серёжа, ты — один из... из тех, кто состоит в тайном обществе? — прямо спросила Анна.

— Откуда ты знаешь о них? — улыбнулся он, стараясь не показать удивления.

— Ах, да кто сейчас о них не знает? — поморщилась она. — Весь свет только и говорит об этом.

— Пожалуй, — Сергей привлёк жену к себе, глядя в лицо, спокойно ответил: — Да, я один из них.

В её глазах метнулись искорки страха. Сергей ощутил, как испуганной птичкой забилося её сердце. Склонив голову к её груди, он осторожно, едва касаясь, поцеловал левый холмик. Тот затрепетал, доверчиво подавшись к Сергею, напрягся сосочком.

— Серёжа, — выдохнула Анна, вновь зажигаясь от его ласк, — я боюсь за тебя... за нас...

— Ничего не бойся, — прошептал он, — я люблю тебя.

Сергей сидел по-турецки, сложив ноги и разведя бёдра в стороны. Неожиданно он быстро поднял Анну и осторожно опустил её «ножны» на свой «палаш». Она вскрикнула от неожиданности и сразу застонала, откидывая головку. Они соединились легко, ибо уже оба изнывали от страстного желания. Её ножки оказались у него за спиной, он же поддерживал жену за талию. Оказавшись сидящей на муже, Анна стала выше и ей было проще охватить его шею. Хрупкие ручки лианами обвили любимого. Сергей сам начал двигать её, легонько раскачивая, подталкивая за спинку и попочку. Анна прекрасно поняла его замысел и быстро освоила новый приём. То и дело её медленные, глубокие покачивания сменялись быстрыми и мелкими. Губы Сергея и его усы продолжали скользить по шейке и грудкам Анны, заставляя громко стонать, всё больше и больше отдаваться страсти, ускорять темп своего «танца». В самый главный момент его губы вобрали в себя ротик Анны, а когда упругий фонтан извергнулся сладкой лавой в глубину «бутона», язычок Сергея ворвался внутрь и соединился с язычком любимой.

Не отрываясь друг от друга, не размыкая губ и объятий, сидели они некоторое время, слившись в единое целое. Потом Сергей осторожно снял жену с себя и, нежно целуя покрасневшие чуть припухшие губки, едва касаясь, погладил животик.

— Я всё равно не буду засыпать одна, без тебя, — прошептала Анна и улыбнулась хмельной, пьянящей улыбкой, блеснув своими глазами-звёздами, — я всегда буду ждать тебя,

любимый... Помни об этом, пожалуйста...

— Мой нежный ландыш, — чуть слышно отвечал Сергей, целуя её, и крепче прижимая к себе, укрывая своими объятиями.

Анна сразу уснула. А он долго ещё лежал, любясь её спящим личиком, и с тревогой думал о том, что своими делами вполне может погубить их счастье, сломать свой хрупкий ландыш.